Е. К. АДЖИНДЖАЛ

"Труды Абгосмузея", вып. 5, Сухуми, 1980

К ВОПРОСУ ПРОНИКНОВЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА В АБХАЗИЮ

Христианство возникло в I в. н. э. вследствие глубокого социально-экономического и политического кризиса рабовладельческого мира в восточной части Римской империи, среди иудеев, как религия рабов и угнетенных[1]. Прежде чем перейти непосредственно к вопросу проникновения христианства в Абхазию, необходимо вкратце рассмотреть некоторые вопросы, касающиеся взаимоотношений Римской империи и Восточного побережья Черного моря, в частности, территории исторической Абхазии.

Известно, что после бурных событий периода митридатовых войн в этом районе устанавливается власть римской военной администрации[2], в подчинении которой находились земли Колхиды (если не брать в расчет земель ахейцев, зихов и гениохов[3]), область которой имела для римлян немаловажное экономическое значение. Поэтому в течение всего I в., по-видимому, Рим проводил весьма активно политику постепенного захвата побережья. Но ему до конца не удалось превратить эти области в свою провинцию, т. к. здесь в I в. н. э. возникает ряд самостоятельных политических образований: апсилов, абазгов, санигов и других. Однако позднее они оказались вовлеченными в орбиту политического влияния Рима во время похода Траяна через Кавказские горные склоны в Парфию в 109 г., после известной битвы в Дакии[4]. После указанного события древнеабхазское побережье было как политически, так и территориально связано с Римом.

О начальном проникновении христианства на территорию древней Абхазии существуют различные версии. Самой популярной из них является церковное предание[5], согласно которому семена первоначального христианства были занесены еще в I в. н. э. апостолом Андреем Первозванным и его спутником Симоном Кананитом (Ханаанским[6]), прибывшими через Каппадокию и приморский город Трапезунд.

Так, согласно данным церковных писателей-хронистов, св. Андрей с проповедью прошел с южного Черноморского побережья в Вифинию и Понт, и дошел до Абхазии, где находился город Себастополис[7]. По преданию, Андрей Первозванный, просвещая абхазов, во время гонения, в 55 г., принял мученическую смерть на берегах р. Псырдзха, где и был

погребен. Впоследствии на этом месте была построена церковь его имени". По преданию абхазов, в этой старой церкви покоилось и тело Симона Кананита". Упомянутый Симон, как выше указано, по П. К. Услару, — Ханаанский проповедник[10]. На наш взгляд, легенда о смерти Симона на территории позднеантичной Абхазии возникла как отражение каких-то реальных сообытий того периода. Видимо, эти ранние христианские традиции-реалии послужили впоследствии причиной создания на территории Абхазии, а именно в Питиунте, древнейшей христианской епархии.

По преданиям, записанным церковными авторами, северное и восточное побережье Черного моря, проповедуя «новое учение», посетили пять апостолов: из них — четыре из числа т. н. «двенадцати» — Андрей, Матфей, Варфоломей, Иуда и один из «семидесяти» — Фаддей[11].

Согласно другой версии, абхазов «просвещал» св. Григорий — просветитель армян, который начал освящать церкви и оставлять в них священников, из тех, которые знали священное писание. «Иного он отправил в Грузию, иного в страну абхазов, иного аланам», — читаем арабскую рукопись, найденную в Синае и опубликованную академиком Н. Я. Марром[12].

Существует другой вариант истории проникновения христианства в наши края, связанный с расселением евреев на Кавказе. Так, П. Услар писал, что «по рождению Христа, Закавказье было убежищем евреев-христиан, рассчитывавших на покровительство единоплеменников, издавно там поселявшихся»[13]. Не касаясь достоверности этого сообщения, считаем уместным указать, что по свидетельству одного автора, в прошлом в Абхазии в одном из горных сел, проживала группа абхазских евреев, говоривших «языком абхазов», не зная никакого другого[14]. Небезынтересно в этом отношении указать на тот факт, что в развалинах Лыхненского дворца абхазских владетельных князей с правой стороны на втором этаже изображена шестиконечная звезда т. н. магендовид (щит Давида).

Заслуживающим вниманием, на наш взгляд, является и мнение о том, что христианство могло быть занесено в наши края не религиозными миссионерами, а римскими солдатами[15]. Это мнение обосновывается следующим образом. В специальной литературе хорошо известно, что со времен принципата Веспасиана Флавия на восточном побережье Черного моря, в частности в Абхазии, силами двух каппадокийских легионов 15 Apollinaris и 12 Fulminata римляне строили т. н. Понтийскую оборонительную линию (лимес) против нашествий предкавказских племен[16]. По мнению небезызвестного немецкого профессора (католика) А. Гарнака, легион 12 Fulminatea в своих рядах насчитывал немало христиан. Такого же мнения придерживался и академик М. С. Ростовцев[17].

Имеется сведение о том, что в это же время в Херсонесе, в какой-то степени близком территории Абхазии, в каменоломнях работало много христиан.

Необходимо также отметить и версию о мучениках-христианах, сосланных в Абхазию в числе которых был некий Орентий со своими братьями. Известно, что христианство с самого своего возникновения подвергалось гонениям со стороны языческих жрецов и императоров. Гонение на христиан усиливается особенно при императоре Диоклетиане, когда разрушались церкви, сжигались христианские книги, а каждый христианин должен был публично отречься от своей веры и принести жертвы языческим богам и обожествленным императорам[19]. В этот период для борьбы с персами неким куликуларием Родоном в Антиохии был сформирован отряд, среди воинов которого был и христианин Орентий с шестью братьями. Когда этих христиан перевели во Фракию, Орентий совершил подвиг — победил в единоборстве вождя варваров, вторгшихся в эту провинцию империи. В знак милости император предложил Орентию и его братьям принести благодарственную жертву языческим богам. Так как воины-христиане отказывались это сделать, разгневанный император отсылает их в Саталу и приказывает здешнему дуку силой обратить братьев в язычество, а в случае отказа — сослать их в Абхазию. Никакими пытками дуку не удалось заставить братьев изменить своей вере. Измученных христиан отправляют в Абхазию, но, по дороге братья один за другим погибают. Тело последнего из них — Лонгина, выброшенное морем, находят в Питиунте, где и хоронят. В. А. Ликвинадзе полагает, что Орентий должен был быть доставлен именно в Питиунт, если бы он уцелел по дороге. По его же мнению, известная питиунтская мозаика была посвящена мученику Орентию и сохранившаяся часть латинской надписи на мозаике — ORE — являет начальные буквы его имени[20]. Здесь же уместно упомянуть о многочисленных древних первоисточниках (особенно собранных и опубликованных в трудах Н. В. Пигулевской), сообщающих о распространении христианства в пределах Кавказа сирийскими проповедниками, о роли в христианизации народностей Кавказа таких сирийских городов, как Эдес, Селевкия, Антлохия и др.[21]. По-видимому, христианство частично проникало и в древнюю Абхазию через названные города. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что Орентий со своими братьями был выходцем из Сирии.

Существует и такое предание, согласно которому известный богослов, страстный обличитель пороков духовенства Иоан Златоуст, после церковной тяжбы в Антиохии, был также сослан в Абхазию. Здесь он скончался, а тело его было перевезено в Константинополь[22].

Наконец, можно констатировать тот факт, что проникно-

вение христианства в Абхазию связано прежде всего с культурными традициями античного мира, именно с эллинством (хотя этот условный период кончается до возникновения христианства). Дело в том, что христианство первоначально развивалось в атмосфере эллинистической культуры, распространяясь через старые эллинистические центры — Антиохию, Кесарию Каппадокийскую и др.[23]. Что касается Абхазии, то основным пунктом, через который оно проникло сюда, был Питиунт, являвшийся также старой греческой колонией* на побережье, где, как и внутри, так и в прилегающих к нему районах (хора), несомненно проживали эллинизированные представители местных абхазских племен. Благодаря именно этому пункту древняя Абхазия становится как бы первым на всем Кавказе очагом христианской веры и центром его дальнейшего распространения. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что единственым представителем этого края на Первом Вселенском соборе в 325 г. в городе Никее был епископ Питиунта Стратофил[24]. Имя его упоминается во всех шести сводах епископов, составленных по церковным епархиям и епископским кафедрам участников собора, сохранившихся в раннесредневековых документах: на греческом языке (венецианская рукопись XIII в.), латинском и сирийском — рукопись Британского музея (VII в.), коптском языке (XI в.), арабском и армянском языках (XI в.)[25]. Нужно сказать, что сама Питиунтская епархия тогда подчинялась (в церковном отношении) Полемоновскому Понту[26].

Не подлежит сомнению, что христианство проникает в древнюю Абхазию раньше, чем в другие страны Закавказья. Об этом красноречиво говорит не только участие вышеупомянутого епископа на Первом Вселенском соборе, что уже само по себе является неоспоримым фактом, но и учреждение в Питиунте епископской кафедры и самой древней христианской епархии на всем Закавказье[27]. Таким образом, один из древнейших городов позднеантичной Абхазии — Питиунт, — занимает исключительное место в истории христианства на Кавказе.

Превращение христианства в государственную религию в самой империи происходило в очень сложных условиях. Дело в том, что император Флавий Константин, ставший единым властелином огромной римской империи, понял, что с помощью языческой идеологии невозможно осуществлять контроль над населением, и поэтому особым эдиктом в 315 г. объявляет христианство государственной религией[28]. Однако этим актом он все же не смог добиться идеологического единства. Причиной тому было множество христианских течений, объединявших вокруг себя не только определенные слои населения, но и населения целых областей. В IV в. наиболее острой формой социальной борьбы в империи становится религиоз-

ная. Император Константин в борьбе христианских течений усматривал проявление сепаратизма отдельных провинций государства. Борьба за единство церкви была объявлена борьбой с ересями (язычеству была незнакома борьба с ересями). Поэтому он срочно в 325 г. созвал в Никее собор всех епископов Запада и Востока, где под его давлением большинством епископов было осуждено аррианство — наиболее сепаратное и влиятельное течение. На соборе также были приняты церковный календарь, символы веры. Тогда же была уточнена и система церковной служебной иерархии. Епископы Рима, Александрии и Антиохии были объявлены патриархами, а первые два получили почетные звания — пап. Во главе клира провинций были поставлены архиепископы, а клир в городах возглавляли епископы, послушно выполнявшие все указания имперской администрации. С этого собора, фактически объединяются церковная и императорская власть, т. е. утверждается цезареопапизм. Епископы становятся чиновниками империи, а император верховным богословом. Государство получает мощного союзника по идейному порабощению народных масс[29].

Несомненно, участие представителя Питиунта на этом Первом Вселенском соборе имеет большое значение не только с точки зрения истории христианства, но и для истории и культуры древней Абхазии. По справедливому замечанию акад. С. Каухчишвили, Питиунт был настолько значительным и известным центром позднеантичной Абазгии (Абхазии), что его представитель был удостоен чести участия на первом всемирном церковном съезде[30].

Не подлежит также сомнению, что питиунтская епархия обслуживала не только гарнизон крепости. По этому поводу Л. А. Мацулевич писал: «Христианство не ограничивалось в ней замкнутой средой гарнизона. Оно не могло не получить более широкое распространение среди местного населения города и тяготевшему к нему округу. В противном случае здесь не была бы учреждена епархия[31]. С. Каухчишвили, безусловно, прав, когда заявляет, что нельзя вообще ставить вопрос, как будто питиунтские жители-греки были окружены такой высокой стеной, что существование там сильной христианской организации и связанной с нею идеологии, остались совершенно неизвестным для местного населения[32] (абазгов. — Е. А.). З. В. Анчабадзе пишет, что «действительно определенные элементы местного населения уже тогда исповедовали христианство. Не случайно, что церковные авторы первоначальное распространение христианства среди абхазов приписывали святым апостолам, так что думается, нет оснований в этом вопросе не верить им[33].

По нашему мнению, древнеабхазские племена могли иметь хотя бы спорадические связи с представителями христиан-

ства, не только накануне принятия ими новой религии в VI в. в качестве официального культа, но и в первые века н. э. Например, солдаты-христиане, служившие в вышеуказанном легионе XII Fulminatea могли иметь какие-то контакты с местным населением, привлекавшимся, видимо, к строительству лимеса, по крайней мере как подсобная рабочая сила. Тем более известно, что большинство рядовых легионеров тех времен были провинциального происхождения[34]. Об этом же говорится в специальной литературе — «местным племенам вменялось тогда в обязанность оборонять границы империи»[35]. В связи с этим, по нашему мнению, можно предполагать, что даже с вышеуказанными воинами-христианами могли служить и представители местных племен, которые, естественно, могли узнать о новой религии, так как нам известно, что христианское учение первоначально нередко переносили с одной области в другую римские солдаты[36]. Аналогичный факт — в III—IV веках христианство распространялось среди готов Северного Причерноморья через поселившихся там христиан-солдат восточных римских провинций[37]. Из сведений Прокопия, более позднего времени, мы узнаем, также о расселении римских солдат среди абазгов[38]. Но самым достоверным и вместе с тем очень важным, доказывающим существование ранних связей Абхазии с Византией в отношении интересующего нас вопроса является тот факт, что согласно известного документа позднеантичного периода, т. н. Notitia dignitatum et administrationum omnium tam c rilium gyam militarium un Oridentis et Occioler ti; в византийскую армию входила кавалерийская единица с названием Ala prima Abasgorum (первое абхазское крыло) состоящее из 300 всадников[39]. Эта конная единица, по-видимому, несла службу не позднее конца IV в., т. к. сам документ был составлен в начале V в. Тем более, что после установившихся тесных связей с Римом в I—II вв. местные племена могли попасть на службу в римскую армию, т. к. известно, что еще при Траяне в римских войсках служили и кавказцы[40].

Одним словом, по нашему мнению, вышеперечисленные аргументы в сочетании с преданиями церковных авторов можно согласовать с мнением, высказаным еще в XIX в. Гавроном Сабининым, автором «Истории грузинской церкви до конца VI в.», о том, что «абхазы древние христиане, обращенные в эту религию, еще в первые века н. э., но, впоследствии от различных исторических обстоятельств отпали от новой религии»[41]. В прошлом веке еще другой автор писал по этому повооду: «Из-за гонения местных царей в Абхазии после первых веков семена и зачатки христианства были истреблены повсеместно»[42] .О том, что древнеабхазские племена были знакомы с христианством до его официального принятия ими, т. е. в VI в., имеется и письменное сообщение. Например, в

известной книге Прокопия Кесарийского «История войны римлян с персами» в 29 главе читаем, что «абазги издревле христианам и римлянам были дружественны[43].

Если допустить эту гипотетическую мысль и задать вопрос: какие же обстоятельства смогли вынудить древнеабхазские племена отвергнуть новую религию (имеется в виду период до VI в. н. э.), то в ответ на него можно высказать следующее предположение. Известно, что христианство первоначально воспринималось угнетенным населением империи пока оно носило иллюзорные идеи выхода из неразрешеных общественных противоречий[44]. Но впоследствии, в результате активизации в нем имущих классов, оно стало оплотом имперской власти и проводником колониальной политики. Тогда, видимо, древнеабхазские племена, которые когда-то видели в нем «демократическую»[45] силу, начали чуждаться его как религии колонизаторов-эксплуататоров. Такое положение могло иметь место и в других странах, скажем, и в России в раннее средневековье. К тому же христианство с его проповедью равенства и смирения, видимо, не импонировало воинственным племенам предков абхазов, жаждущих освободиться от колониальной зависимости. Отчуждению от христианства могли содействовать и сильные языческие верования местного населения. Кстати, о борьбе язычества с принятой новой религией и в некоторой степени временной победой последнего говорят факты позднего строительства христианских храмов на местах древнеабхазских языческих святилищ: Дыдрыпшь, Лыхны, Лдзаа (Пицунда), Лашькиндар, Елыр и др.[46]. Кстати, заметим, по данным наблюдений XVIII—XIX вв., большинство этих памятников абхазами были объявлены «неприступными» оберегаемыми местами. Думается, что это произошло из-за ревнительных отношений к христианским памятникам во время владычества турок (когда ограбляли и оскверняли христианские памятники), дабы предостеречь их от узурпаторов и «нечестивых» местных угодников исламизации.

Нужно учесть, что древнеабхазские племена, по-видимому, вообще противились христианству, как религии чужеземных угнетателей. Может возникнуть вопрос, почему именно они чуждались христианства, когда другие народности Кавказа, например иберы и армяне охотно принимали его, подкрепляя письменностью.

В связи с особой сложностью поставленного вопроса, необходимо произвести краткий экскурс в историю политических и культурных связей народностей Кавказа (кроме западных) с мировыми империями позднеантичного времени. Дело в том, что, по справедливому заявлению историка А. П. Новосельцева, с усилением Парфянской державы и утверждением ее противника Рима в Малой Азии и Восточном Средиземноморье закавказские государства — Армения,

Иберия и Албания, — попали в орбиту большой политики этих двух мировых империй. Позже, когда место парфянских царей заняли Сасаниды, выдававшие себя за потомков древних Ахеменидов, а от Римской империи уцелела лишь ее восточная половина — Византия, страны Закавказья продолжали оставаться яблоком раздора между правителями Ирана и Византии. «Более того, в тот период в непосредственной близости от Закавказья, — пишет А. П. Новосельцев, — существовало три главных культурных очага, каждый из которых был тесно связан друг с другом, а также и с местной культурой закавказских народов и племен. Речь идет об античной культуре, иранской цивилизации и культуре арамейцев — семитского населения Передней Азии, впитавшей в себя многовековые достижения древних народов Месопотамии, Сирии и отчасти Малой Азии. Арамейская же культура служила в ту пору как бы мостом, соединявшим собственно античную культуру с достояниями цивилизации Ирана, Средней Азии, Индии»[47]. Две державы, находившиеся в непосредственном соседстве с кавказскими государствами, — Сасанидский Иран (со своей религией зороастризма) и Рим-Византия (с христианством) стремились распространить свою экспансию в Закавказье. Чтобы не попасть под влияние ирано-восточной агрессии, армяне и иберы находили себе союзников в лице Римско-Византийской империи[48], с их первоначально-интернационально-демократической религией — христианством. ...

Абхазские же народности, географически граничащие только с Римом-Византией, безусловно, были в другом положении, ввиду чего, как выше указывалось, отвергали христианство как религию своих врагов-поработителей. По-видимому, в силу этой причины в раннесредневековой Абхазии могла не зародится (или не возродилась)[49] и письменность, как у других кавказских народностей. Правда, возникновение письменности у армян и иберов было обусловлено борьбой против зороастризма, утвердившегося к тому времени довольно прочно в Албании, а так и в восточных областях Армении и других местах Закавказья (хотя известно, что в Армении, Грузии и Албании для разных целей тогда использовали греческие, арамейские и среднеперсидские языки). Кавказские просветители конца IV, начала V в. создали свои алфавиты на основе или с использованием арамейского и среднеперсидского языков[50].

По всей вероятности, первоначально христианство распространялось в прибрежной части Абхазии среди низших слоев населения и являлось как бы своеобразным выражением протеста против своих угнетателей, как это имело место в Иберии[51]. Противниками же его распространения могли быть не только языческие жрецы, которые вместе с традиционной народной религией теряли власть и имущество, но и владетельные князья или цари, которые, безусловно, были

проводниками политики гонения христиан как и их сюзеренов-императоров Рима. Это признавали сами церковные историки. Так, Архимандрит Макарий писал: «Как и в других странах мира, христианство в Закавказье встречало множество препятствий со стороны язычников, преданных вере отцов; со стороны жрецов, которым угрожало многими неприятностями; со стороны царей и правителей, издавно привыкших показывать себя покровителями и защитниками религии народной[52]. Из первого послания апостола Петра, адресованного христианским общинам Понта, Вифинии, Каппадокии, Галатии и других мест, мы знаем о сложностях, встречавшихся по пути христианизации[53] в период т. н. катакомбного или нелегального его распространения. По нашему мнению, это можно отнести и к позднеантичной Абхазии, т. к. тогда она непосредственно подчинялась Понту.

Препятствием проникновению христианства среди древнеабхазских племен мог стать греческий язык, на котором в основном велась проповедь, хотя не исключена возможность, что тогда среди местных людей было не мало, владевших этим языком, ибо как известно, греческий языковый поток проник сюда на 5—6 веков раньше, чем здесь появилось христианство. Могли быть и переводчики, пропагандировавшие новую религию, тем более известно, что задолго до этого в Диоскурии было большое число переводчиков, обслуживавших торговые и другие дела на местах[54].

Для восприятия христианства с его философско-догматическими концепциями была необходима определенная социальная почва. Известно, что уже ко II в. н. э. у древнеабхазских племен прибрежной части страны существует несколько объединений раннегосударственного типа с царями во главе[55]. Следовательно, в интересующий нас период эти племена имели в основе своей социальной структуры раннеклассовый строй, создававший необходимые условия для восприятия новой религии. Кроме того, нельзя говорить о распространении христианства в той или иной стране без соответствующей предварительной пропаганды. А такая пропаганда в свою очередь не уживается в стране, где в какой-то степени новая религия не соответствует политическим требованиям идеологии данной страны[56]. Политической же идеологией (если так можно выразиться) позднеантичной Абхазии могла быть местная языческая религия, дифференциация и стабилизация пантеона которой в основном, видимо, завершились еще в античный период[57]. Божества — земледелия (Джаджа), скотоводства (Айтар), металлургии (Ашашвы)[58], ткачества (Ерыш), войны (Ареиаан)[59], мореходства (Аиетных)[60] и другие являются показателями разностороннего хозяйственного и духовного быта местного населения, а также выразителями дифференциации хозяйственной и общественной деятельности абхазских племен и их производственных отношений в период

оформления языческого пантеона. А верховный единый бог Анцва (абх. 'анцәа'), это прямой дериват единого царя-правителя, являющийся в свою очередь детерминатором классового общества. Так что новый универсальный культ — христианство, — корни которого пытались, как говорится, соком только лишь классового общества в позднеантичной прибрежной Абхазии, нашел весьма благоприятную почву для своего распространения.

Надо учесть и то, что, по мнению большинства ученых, распространение христианства в той или другой стране (например, в Армении, Грузии, России и т. д.) связано лишь с развитием феодальных отношений. Однако, видимо, нельзя обойти тот неопровержимый факт, что христианство зародилось и выросло в недрах рабовладельческого (дофеодального) общества, и именно в этой же общественной формации оно пустило свои первые всходы. В связи с этим, если иметь ввиду позднеантичную прибрежную Абхазию, то, по мнению З. В. Анчабадзе, тогда здесь господствовали раннерабовладельческие отношения[61], с достаточной экономической базой, которая могла стать почвой для восприятия христианства.

Говоря о раннем христианстве в Абхазии, нельзя, на наш взгляд, не упомянуть такие редчайшие древнехристианские памятники, как ранняя пицундская базилика, и особенно мозаика, украшавшая ее в более позднее время. По данным В. А. Леквинадзе, базилика была кафедральным храмом времен Стратофила, а надпись же мозаики была посвящена мученику Орентию[62]. А медальон с греческими начальными буквами (тоже на мозаике) имени Христа «Х» и «р» и словами «Аз есьме альфа и омега», т. е. «Начало и конец, говорит господь бог», извлеченный из Апокалипсиса Иоанна, встречающийся в храмах и на предметах церковной утвари еще с первых веков н. э. имеет прямое отношение к самому раннему распространению христианства[63]. Следует также уломянуть обнаруженный археологами ранний христианский памятник — большую базилику в с. Алахадзы (близ Пицунды), относящуюся к IV—VI вв. н. э.[64], а также и стеклянные сосуды евхаристического назначения, найденные в Пицунде с палеохристианскими символами — Христос в образе доброго пастыря, опирающийся на посох, рядом с агнцем и др., — относящимися к IV в. н. э.[65].

О том, что христианство могло проникнуть в древнюю Абхазию не только в ее прибрежную часть, но и во внутренние горные районы не позднее VI в., говорят хорошо известные в специальной литературе археологические находки из Цебельды (два нательных креста, медальон с изображением Горгоны с раннехристианской греческой надписью и крестовидные инкрустации пряжек и т. д.). Нет необходимости распространяться о них, ибо об этих памятниках написано немало страниц[66]. Хочу обратить внимание лишь на то, что древ-

няя Цебельда лежала в том горном районе Абхазии, через который проходил известный в древности «Абхазский» военный и торговый путь[67]. который связывает Ближний Восток с Северным Кавказом. Известно также, что через Цебельду проходил знаменитый «шелковый путь»[68]. Именно благодаря этой транскавказской магистрали Цебельда стала как бы перевалочным пунктом для многих народов.

Так, в Цебельде обнаружены предметы из Сирии, Египта, Персии, Рима, Китая, Малой Азии, Бактрии Прибалтики, Франции и др.[69]. Цебельда была тем местом древней Абхазии, куда, не менее чем в другие части края, могла проникнуть римско-византийская идеология, в том числе и христианство. Если христианство в соседнюю с Абхазией Иберию не только проникает в IV веке, но и становится официальным культом ее, то почему оно не могло дойти до Цебельды ранее VI века, в то время как последняя находилась, как говорится, в двух шагах от Питиунтского епископата? По всей вероятности, в эту область могли добираться представители питиунтского епархиального духовенства в целях миссионерской деятельности. К тому же заинтересованность Рима в поддержке добрых отношений с Апсилией, видимо, и с Мисимией усиливается после III в., когда готы опустошили область Каппадокии, Питиунта и Эфесса[70], и особенно с IV в., когда появилась еще более опасная сила в лице гуннов. О ранних связях Апсии с Римом говорит и имя апсилийского царя Юлияна, зафиксированное в начале II в. н. э.[71]. Кроме того, по всей вероятности, необходимо учесть и положение в непосредственно близкой к Апсилии стране — Лазике, где еще с V в. н. э. цари носят христианские знаки[72]. Кроме всего этого, нельзя, видимо, забывать и о том, какое огромное влияние оказывало христианство на все стороны общественной жизни Византии в VI в., особенно идеологию, политику, законодательство, быт, нравы[73] и т. д. Не напрасно поэтому византийские дипломаты, купцы и пилигримы, проникавшие в кавказские края были одновременно и христианскими миссионерами[74]. А с V в. в Византии даже коронация самого императора происходила в церкви[75]. Поэтому нужно полагать, что страны Закавказья, в какой-то степени зависимые от Византии, в интересующий нас период были прежде всего зависимы и в церковном отношении, так как церковь была для этого периода и позже главной идеологической опорой империи как в эксплуататорской, так и колониальной политике. Так что, по нашему мнению, нет смысла отрицать проникновение христианства в Цебельду вплоть до VII в. н. э.[76].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы считаем, что древнеабхазские племена — абазги, апсилы и др. еще в позднеантичную эпоху были знакомы с христианской религией. Об этом же говорят и первоисточники[77].

[1] **Ф. Энгельс.** К истории первоначального христианства. М., 1976, с. 3.
[2] **З. В. Анчабадзе.** История и культура древней Абхазии. М., 1964, с. 189.
[3] Там же.
[4] История древнего Рима. М., 1971, с. 319.
[5] Несмотря на аппологический характер, обилие чудес и т. п. церковные сведения все же являются историческими источниками, поскольку здесь рисуются живые картины, даются оценки повседневной жизни различных общественных прослоек. См. История Византии, т. 1. М., 1967, с. 54.
[6] **П. Услар.** Начало христианства в Закавказье и на Кавказе. «Сборник сведений о кавказских горцах». Вып. II. Тифлис, 1869, отд. 1, с. 14.
[7] **Архимандрит Макарий.** История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. СПб., 1846, с. 12—13; эта церковная легенда не верна: в I веке колония Диоскурия еще не была переименована на Себастополис (Е. А.).
[8] **М. И. Тарнава.** Краткий очерк истории Абхазской церкви. Сухум, 1917. с. 7; Картлис Цховреба. Тбилиси, 1955, с. 3; **Ш. Д. Инал-ипа.** Абхазы. Сухуми, 1965, с. 565; **И. Джавахишвили.** История грузинского народа, т. I. Тбилиси, 1969, с. 175 (на грузинском языке).
[9] **В. В. Латышев.** К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря. — «Сборник археологических статей, поднесенный графу А А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в императорской археологической комиссии». СПб., 1911, с. 169.
[10] **П. Услар.** Начало христианства в Закавказье и на Кавказе. «Сборник сведений о кавказских горцах». Вып. II. Тифлис, 1869, отд. 1, с. 14.
[11] **Архимандрит Макарий.** Указ. соч., с. 116. Об этом же писали авторы первых веков нашей эры, как например: св. Ипполит, Епископ Портуенский (около 222 г.) н. э.); Ориген (200—258 гг. н. э., св. Дорофей, Епископ Тирский (307—322 гг. н. э.). Например, он писал, что Андрей проповедуя евангельское учение достиг до великого Себастополиса. См. там же, с. 12.
[12] **Н. Я. Марр.** Крещение армян, грузин, абхазов и алан святым Григорием .СПб., 1905, с. 135.
[13] **П. Услар.** Указ. соч., с. 6.
[14] **В. Натухайский.** Согдемские скалы и еврейское общество в горах Абхазии. — «Пантеон», 1852, № 1, с. 18.
[15] **Е. Аджинджал.** К вопросу проникновения христианства в Абхазию. — Тезисы докладов и сообщений научной сессии Абхазского государственного музея. Сухуми, 1972, с. 17.
[16] **В. А. Леквинадзе.** Монументальные памятники Западной Грузии I—VII в. н. э. — Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1973, с. 10.
[17] **М. С. Ростовцев.** Новая латинская надпись с юга России. — «Известия императорской археологической комиссии». Вып. 33. СПб., 1909, с. 5—18.
[18] Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1893, с. 906.
[19] История древнего Рима М., 1971, с. 423.
[20] **В. А. Леквинадзе.** О древней базилике в Питиунте и ее мозаике. — ВДИ, 1970, № 2, с. 190, 193, 174.
[21] **Р. А. Гусейнов.** Место и роль сирийских источников в изучении истории народов СССР. Древнейшие государства на тертории СССР. М., 1976, с. 41—57.
[22] **А. Рудаков.** История христианской православной церкви. СПб., 1856, с. 94—98.
[23] **Френсис Дворник** (США). Миссии греческой и западной церкви на востоке в средние века. Доклад XIII международного конгресса в Москве. М., 1970, с. 1.
[24] **А. Гарнак.** Миссионерства и распространение христианства в первые века. Лейпциг, 1902, с. 447 (на немецк. языке).
[25] Георгика, т. I. Тбилиси, 1961, с. 1—2.
[26] Примечательно, то, что, по мнению акад. С. Каухчишвили, Питиунт-

ская епархия с VII в. подчинялась абхазской автокефальной церкви. См. Георгика, т. I, с. 5.

[27] Акад. Н. Я. Марр писал, что христианство в Абхазии «древнее», имея ввиду другие страны Закавказья. См. Н. Я. Марр. Доклад в предсоборном присутствии. — «Церковные ведомости», 1907, № 3, с. 121.

[28] Первоначально он с Лициний в 1913 г. издали указ под названием «Миланского эдикта, в котором христианство признавалось равноправным с другими религиями. См.: «История древнего Рима». М., 1971, с. 427, 433.

[29] История Византии, т. I. М., 1970, с. 167; Однако не все в церкви зависило от императорской власти, посколько сам император должен был подчиняться основным принципам церковного устройства и догматов. Иначе христианство не могло претендовать на мировое господство. См. Там же.

[30] Георгика, т. I, с. 6.

[31] Л. А. Мацулевич. Открытие мозаического пола в древнем Питиунте.

[32] Георгика, т. I, с. 8.

[33] З. В. Анчабадзе. Указ. соч., с. 227.

[34] ВДИ, т. XXVI, 1965 г., с. 25.

[35] Археологические раскопки в Гудаве в 1971 г. П. П. Закарая, В. А. Леквинадзе. — «Археологические экспедиции государственного музея Грузии». Вып. III. Тбилиси, 1974, с. 148.

[36] Н. А. Машкин. История древнего Рима. М., 1956, с. 491.

[37] История СССР, т. I. М., 1966, с. 308.

[38] Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, с. 400.

[39] Георгика, т. I. Тбилиси, 1961, с. 168—172.

[40] Н. А. Машкин. Указ. соч., с. 419.

[41] Габрон Сабинин. История грузинской церкви до конца VI в. СПб., 1877, с. 108.

[42] А... Религиозное верование абхазцев. — «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 5. Тифлис, 1874, с. 2—3.

[43] Прокопий Кесарийский. История римлян с персами. СПб., 1876, с. 221; Здесь у Прокопия написано так: «Здесь обитают разные народы: между ними аланы и абазги, издревле христианам и римлянам дружественные, также зихи, за ними гунны, прозванные савирами.

[44] М. М. Кубланов. Возникновение христианства. М., 1975, с. 7.

[45] В. И. Ленин. Государство и революция. Полное собрание сочинений, т. 33, с. 43.

[46] Ш. Д. Инал-ипа. Указ. соч., с. 527.

[47] А. П. Новосельцев. Раннесредневековая культура народов Закавказья. «Вопросы истории». М., 1973, № 6, с. 100—102.

48. Очерки истории Грузии, т. II. Тбилиси, 1973, с. 70—71 (на грузинском языке).

[49] Есть мнение, что у древних абхазов была письменность, которая впоследствии утерялась в силу исторических причин. См. Г. Ф. Турчанинов. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971, стр. 3—42, 115—116.

[50] А. П. Новосельцев. Указ. соч., с. 65.

[51] Очерки истории Грузии, с. 67.

[52] Архимандрит Макарий. Указ. соч., с. 121—122.

[53] М. М. Кубланов. Указ. соч., с. 128.

[54] Страбон. География. Л., 1964, с. 472, 479.

[55] Арриан Флавий. Объезд Эвксинского понта. — ВДИ, 1948, № 1, с. 270.

[56] Г. Гозалишвили. Обращение Картли и проблема Бакури. Тбилиси, 1974, с. 21 (на груз. языке).

[57] З. В. Анчабадзе. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976, с. 33.

[58] Adgindgal, E. K. Le dieu païen de la métallurgie chez les Abkhases. Programme du premier symposium international sur les religions de la prehistoire. Valcamonica, 1972 (UNESCO) с. 46, 100, 151 — на итальянском, французском и английском языках.

[59] **Е. Аджинджал.** Национальный символ. — «Алашара», № 10, 1975, с. 72 (на абхазском языке).

[60] **Н. С. Джанашия.** Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960, с. 53.

[61] **З. В. Анчабадзе.** Указ. соч., с. 204.

[62] **В. А. Леквинадзе.** Указ. соч., с. 190.

[63] **С. Каухчишвили.** Греческая надпись Бичвинтской мозаики. Сообщения Академии наук Грузии, 1955, № 1, с. 73.

[64] **З. В. Агрба.** Раскопки раннесредневековой базилики в с. Алахадзы, Гагрского района. «Мацне», 1972, № 3, с. 159.

[65] **Н. Н. Угрелидзе.** Стеклянные сосуды с палеохристианскими символами Бичвинтского городища. — Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Тбилиси, 1975, с. 106.

[66] **М. М. Трапш.** Труды, т. III. Тбилиси, 1971, с. 206—207; **З. В. Анчабадзе.** Указ. соч., с. 227; **Ш. Д. Инал-ипа.** Указ. соч., с. 265—266; **Г. К. Шамба.** Ахаччарху древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970, с. 62—64; **Г. В. Смыр.** Ислам в Абхазии и пути преодоления его пережитков в современных условиях. Тбилиси, 1972, с. 40—41.

[67] **И. Джавахишвили.** История грузинского народа. Тбилиси, 1965, с. 70.

[68] **А. А. Иерусалимская.** Великий шелковый путь и Северный Кавказ. Л., 1972.

[69] **В. П. Пачулия.** По древней, но вечно молодой Абхазии. Сухуми, 1969. с. 63.

[70] **Ю. Н. Воронов.** Тайна Цебельдинской долины. М., 1975, с. 141.

[71] Очерки истории Грузии, т. I. Тбилиси, с. 546; Что касается имен остальных древнеабхазских царей, абазгов и саниго в (указанных Аррианом): Рисмага и Спадага, то они созвучны с современными абхазскими именами, например, с такими как Дамагу, Расмаху, Абзагу, Тахуахуа, Спадаку, Гадракуа и др.

[72] Известия древних писателей о Скифии и Кавказа. СПб., 1893, с. 892.

[73] История Византии, т. I, с. 267.

[74] Там же, с. 229.

[75] Там же, с. 201.

[76] **Ю. Н. Воронов, В. А. Юшин.** Погребение VII в. н. э. из с. Цебельда в Абхазии. «Краткое сообщение института археологии Академии наук СССР», 1971, № 128, с. 105. **Ю. Н. Воронов.** Тайна Цебельдинской долины, с. 112—116.

[77] **Прокопий Кесарийский.** История римлян с персами. СПб., 1876, с. 221; **его же.** Война с готами. М., 1950, с. 380; **Агафий.** О царствовании Юстиниана. М.—Л., 1953, с. 118.

* В московском издании православного церковного календаря 1980 года на 148 странице участника первого Вселенского собора 325 года питиунтский епископ Стратофил объявляется представителем грузинской церкви, что не соответствует исторической действительности, ибо питиунтская епархия того периода была греческой.